

Лад Посадский

и компания

ДЕЛА ТОРГОВЫЕ

книга I

МИХАИЛ РУСАНОВ

Михаил Русанов

**Лад Посадский и компания.
Книга I. Дела торговые**

«Издательские решения»

Русанов М.

Лад Посадский и компания. Книга I. Дела торговые /
М. Русанов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837452-4

Посад — уютный городок, где живут бок о бок обычные люди, колдуны, гоблины, агенты 007, твари болотные и демоны пыльные. Живет здесь и Лад — молодой дружинник, не подвластный чарам и заклятиям. Когда пришла весть, что иноземная нечисть строит коварные планы, народ посадский выбрал Лада и отправил его с друзьями в разведку. Доберется ли Лад до Ольбии Туманной и страны небоскребов? Справится ли с Девой Песков? Пока об этом знает только мудрый волхв Седобород. А теперь будете знать и вы!

ISBN 978-5-44-837452-4

© Русанов М.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Лад Посадский и компания
Книга I. Дела торговые
Михаил Русанов

© Михаил Русанов, 2017

© Михаил Иванович Русанов, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-7452-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Солнышко за лес катилось.

День прощался алым закатом.

Ночь здоровалась яркой звездочкой возле полумесяца.

Время наступало тайное, и посадский люд спешил кто домой, а кто и в кабаки.

Ночи никто не боялся, но уважал, стараясь не раздражать ночных духов. А как же, духи, они хоть и невидимы, а в жизнь людскую норовят нос сунуть. Людям, тайну ведающим, о том всегда было известно. Остальные – догадывались...

Потому ночью жгли костры, первый глоток бражки плескали в угли очага, посвящая его предкам, и старались не вспоминать нечисть.

Когда—то, очень давно, костры по ночам могли принести большие бедствия. Отсветы огня во тьме за многие вёрсты видно. А вороги-кочевники не дремлют. Только и ждут случая напасть. То-то.

С тех незапамятных времен вошло в обычай держать при Посаде целую слободу дружинников, которых Посад кормил и снабжал всем необходимым. Взамен этого дружина в трудную лихую годину платила кровью собственной, воюя рати ворогов. Но те времена канули в лету.

Находились, конечно, буйные головушки, уходили в леса, сбивались в шайки и ватаги, грабили обозы торговые, теша молодецкую удаль и тем живя. Но ловили их, сажали в остроги, самых лютых зимой в прорубь кидали на забаву водяному.

Надобность в дружине свелась к простой формальности, и в нынешнем ее состоянии кто—то видел умиротворение существующего порядка, а более прозорливые – разгильдяйство и безалаберность. Две сотни здоровенных молодцов шлялись по Посаду целыми днями и не знали чем себя занять. Посад за многие годы спокойной жизни превратился в одну сплошную гигантскую ярмарку. И жалование (не плохое!) выплачивал дружине регулярно. Но кроме показательных (раз в месяц) кулачных боев, посмотреть которые собирались все живущие и гостящие в Посаде, (из—за чего торговля на один, – один! – день замирала, и торговцы несли убытки), дела дружина боле не знала! Все остальное время дружинники ухаживали за молоденькими девицами, да кабаки посещали, где спускали все свое жалование. Много раз на посадском собрании знатных поднимался вопрос дружины, но обычаи не так то легко меняются. Посад мог позволить себе содержать воинов, а если так, то почему бы нет? Пусть все видят благополучие, первым признаком которого является сытая и довольная дружина.

Коренных посадских было не так уж много. Приезжающие на сезон торговцы (а сезоны сменяли один другой с завидным постоянством), ставили в Посаде добротные дома, постоянные дворы и лавки. Так вот они вращались в землю посадскую.

Посад ширился, рос, и с каждой торговой сделки имел доход. За этим строго следили приказчики. Совет Посада назначал их на один год (чтобы не жирели за общий счет) и наделял огромной властью. Но они все равно жирели, как бы с эти не боролись. И потому попасть в их число стремились многие. Некоторые приказчики умудрялись и на новый срок остаться при должности своей. Как им сие удавалось – никто не знает. Вроде всё честь по чести – Совет назначает из списков самых достойных. Ан нет! Глядишь, – человек знакомый, за прошлый год успевший надоесть хуже редьки горькой, опять при сделках присутствует, считает всё, мелочь не упустит!

Сплетнями слухами обрастали такие случаи. Да толку – пошумят бабы на базарах, посуздачат мужики в кабаках, и делов то!

А у приказчика впереди – ещё один год службы денежной, синекуры благословенной...

Так и жил Посад – с утра до вечера ярмарки и базары шумные, вечером гулянки с хороводами и пьянкой, ночью костры и кабацкие байки. Но находились такие, в основном из числа

молодых дружинников, кто предпочитал провести вечер и часть ночи у Седоборода, обещая подружками милым, что следующая ночь уж точно будет для них.

Седобород... Он был известен всему Посаду, да и за пределами оного известность эта не вызвала сомнения. Мудрый старец, ровесник самому Посаду, знал он много всяких историй о делах неслыханных и вещах невиданных. Говорили так же о том, что знаком Седобород с нечистью, да и сам может творить ворожбу.

Что тут правда, а что вымысел, кто знает?

Но лечил он людей добротнo. Кого от зубной боли избавит, с кого лишай сведет, а кому и мозги на место вставит. Бабы – повитухи перед каждымi родами посещали его, о чем – то шептались, после несли добрые слова роженице. И почти к каждому новорожденному Седобород приходил сам, долго смотрел на младенца, читая неведомым никому способом будущую судьбу маленького человека, и уходил ничего не сказав. Хорошим знаком. Ибо если начинал говорить Седобород что—то, жди беды – слова его острыми бывали, а то, что они почти все заговоренные, никто не сомневался.

Седобород знал много, не счесть о чем догадывался, а уж что умел, о том мало кто ведал. Да и к лучшему это. Его говорящий ворон доставлял ему новости от ворожей, волхвов и прочего странного люда, который предпочитал жить в дремучих лесах, подальше от людской суеты. Когда—то в Посаде их было много. Но постепенно численность их сошла на нет. Они ушли, покинули Посад не найдя себя в делах торговых. Кто—то остался, продавал заговоренные на удачи всякие побрякушки простакам. Какие сделки удавались, но еще больше проваливались. В конце концов, обозвали это дело шарлатанством. Люди, силу истинную знавшие, к этому отношения не имели, но тень и на них пала. Стали они еще больше нелюдимыми. И лишь Седобороду посадский люд доверял во всём.

Поначалу и к нему подходили, просили на удачу поворожить, кто просил, кто уговаривал, а кто и требовал. Одни ухари, (были они в черных плащах заморского кроя и шляпах, с угрюмыми мордами, откуда пришли – никто не знает.), оружием ему угрожали – черного железа штучка, из которой с диким грохотом вылетают свинцовые наконечники. Неизвестно, что им Седобород ответил, но Посад они покинули в спешке.

Через сезон вновь объявились, но уже с другими намерениями. Пришли к Седобороду на поклон, он поговорил с ними ночь, а на утро совет Посада дал им добро. Они тут же основали какое—то ЗАО. Был среди них один худошавый, в костюме ладном, на длинном носу носил стекляшки, отчего потешались над ним посадские. Он и стал у них главным.

ЗАО ихнее ничем особенным не торговало. Так, какие—то ножички перочинные детишкам на забаву, да спиртным приторговывало. Но потом они дело так обтяпали, с какими—то бумажками, с печатями синего цвета, что теперь ни один кабак в Посаде без их спиртного не обходился. Чуть позже и вовсе они разошлись, да так, что теперь все хозяева кабаков Посадских ОБЯЗАНЫ были покупать у них спиртное. Кабатчики бросились к Седобороду. На жалобы держателей кабацкого дела он так ответил:

– Все это грязная монополия! Но вы, дурачье, не узнав сперва, в чем суть, сами шеи свои в петли сунули. Пальцы слюнявили и к бумажке прикладывали! Теперь терпите.

Про «грязную монополию» никто никогда не слышал. Но так как, Седобород слова эти сказал с брезгливостью, то народ целую неделю сплевывал через левое плечо, защищая себя тем самым от страшного наговора.

Пыталось ЗАО и обменным делом заняться. Купцы и торговцы из разных далей прибывали, деньги у всех несхожие. Вот и решили эти молодцы дело обмена под себя подмять, да просчитались. Предлагали они все деньги в одну валюту перевести, (что такое «валюта» посадские ведасть не ведали, отчего площади торговые опять оплеваны были), и называлась валюта та «гаксы». Понятно, посадским слово не понравилось, больно уж чем – то крысиным от него разило, и...

А когда увидели, что эти «гаксы» бумажные, тут уж вовсе ошалели, и быть бы этому ЗАО оплеванному с крыши до погреба, да Седобород вступился за сердешных. Мол, не знают они наших обычаев, лезут со своим уставом в чужой монастырь.

О монастыре спрашивать не стали и слюну сберегли. Но через два дня лавку обменную спалили. С тех пор претензий к ЗАО никто не предъявлял, да и хозяева кабаков роптать перестали. Эти—то, в плащах и шляпах, толково объяснили им, что к чему, и те притихли. Звезд с неба не хватало, но на жизнь хорошую зарабатывали...

Изба Седоборода находилась на окраине Посада. Да и не изба это была. Дом Седоборода называли так по привычке. Стоял он на земле основательно, вросши в нее всеми четырьмя углами. Крылечком дом был к Посаду, а оконцами резными в лес дремучий смотрел. Потому и сумрачно в нем было даже в полдень.

Под вечер собиралось у него с дюжину молодых дружинников, пили брагу на диком меде ставленую, и слушали его рассказы. А рассказывать он был мастер. И всегда – то новое говорил, еще неслыханное. Да—а, многое знал Седобород...

– Говорят, за звездными туманами есть миры иные. Дома там крышами небо шкрябают, вот и зовутся небоскребами...

– Чепуха! – Лениво прервал старика Пустолоб. – Где же это видано, чтобы дом крышей небо касался?!

– Тьфу на тебя, башка пустая! Знать ничего не знаешь, а перебивать мастак! – Одернул его Седобород, и продолжил: – Так вот... О чем это я?

Бывало, забудет старик, о чем речь вел, и долго потом вспоминает. Намекнуть, слово какое сказать, чтоб не мучился старый – никто не собирался. Обидится старик, потом греха не оберешься. Вот и молчали все, ждали.

– Да, вот значит, как... небо трогают. И огни везде.

– Пожар у них, что ли? – Спросил Кто—то и тут же спрятался за спину других. Взгляд Седоборода ничего хорошего вопрошающему не обещал. Вредным иногда бывал старик. Такое слово сказать мог, что ни к одной девке потом не подойдешь – сила мужская пропадет. Сам—то он к ним давно не ходок, но и молодых мог на век отучить.

– Какой пожар? Нет никакого пожара. Огни те холодные. Ярко светят, но не греют. Как луна.

– Бывает ли так? – усомнился Кто—то.

– Еще раз перебьет кто, я такое скажу – во век не возрадуетесь!

– Не сердчай, Седобород. Интересно же. Десять слов всего сказал, а поведал о чудном. – Польстил Лад старику.

Он единственный из собравшихся не очень то боялся заговорных слов Седоборода. В детстве няньки оставили его одного в бане. Пробыл он там с вечера до утра. А когда подняли крик и гам, (няньки выли в голос, что, мол, унес дитятку волк серый), Лад сам из баньки выполз. Было ему тогда три годочка отроду, и ходил он с тех пор седой. Да не беда это, решили родители, а вот что слова заговоренные перестали его брать – так это всех до смерти напугало! Как жить – то теперь Ладушке, коли не амулеты, ни заговоры его не сберегут?! Пошумели, няnek выволокли, и успокоились. Даже хорошее стали видеть – живет человек, сам себе хозяин, ни одна сила над ним не властна. Только о том, что в баньке случилось, никто так толком и не узнал. Говорили разное – и что с нечистой Лад в бане игрался, и что сам, мол, Черт – Туй снизошел до того, что позволил Ладу подергать за свою бороду седую. И вроде бы вырвал Ладушка из бороды окаянного какой – то волос заветный... Кто теперь скажет, так это или нет? Сам Лад не помнил ничего.

– Говоришь, крышами небо трогают и огни везде? Эх, посмотреть бы...

Старик хлебнул бражки, вытер широкой ладонью бороду и улыбнулся вдруг.

– Да—а, красота... В главном посаде той страны есть улица по названию Угол Стриженный. Почему да отчего, не разумею, да только все говорят, что Угол тот вовсе и не стриженный, а как есть прямой, словно стрела. Живут на улице люди Банковского народа. Да вы знаете одного из них – хозяин ЗАО... Да. Амбары их не зерном трещат, а от золотишка ломаются. Говорят даже, что золотишко – то их заговоренное, само себя родит. Вот и не кончается никогда. В этом их богатство.

– Как же золото само себя родит? Брехня... Чай, не курица, чтобы яйца нести!

Седобород устал обращать внимание на реплики слушателей.

– Многие хотели руку приложить к золоту тому, да обожглись. Даже люди Мафии и те предпочитают с племенем Банковским в дружбе ходить.

– Мафия?! – Удивленно шепнул кто—то.

Но слух Седоборода был остр, за сто шагов слышал, как белка орешки щемит.

– Которые в плащах ходят. Страшное племя. – Седобород понизил голос. – Корни их на острове дальнем, вот и не сладить с ними никому. Сколь уж бились с ними и явно и тайно, а всей силы Мафии так и не извели... Так оно и понятно! Человек корнями силен. А если корни твои за кудыкиной горой да за девятью морями в острове спрятаны, то и не побьет тебя никто. До корней – то не добраться.

– Это ты хватил дед! – Лад потянулся, аж кости захрустели. – Всякого побить можно, коли за дело с умом взяться. Помните, как лавка их горела? Вот потеха была.

– То-то что с умом. А у вас он откуда? Нет у вас ума. Другие делом заняты, а вы каждый вечер ко мне норовите зайти, браги на дармовщинку попить да уши развесить. – Усмехнулся Седобород.

– Так ведь совет добро на войну не дает. Вот и шляемся без надобности. – Пустолоб зачерпнул полную кружку мутной бражки и вылил ее в свое бездонное горло.

– Ишь ты, чего захотел. Война ему нужна. Сам—то ты видел ее, войну – то? Сколько лет в мире живем, а все из людей не выйдет потребность друг другу головы отшибать. Лоботрясы вы, вот что.

– Хватит ругаться, Седобород! Говори дальше, что там с Мафией и людьми Банковскими.

– Чего, чего... В друзьях они. Вечный мир меж ними. Бывают иногда стычки, «наездами» называются, но это так, по мелочи. А по крупному ни-ни. Никакой войны.

– Почему? – Удивился Пустолоб. Его кружка в который раз опускалась в бадью с брагой, что уже по дну стала шкрябать. – Если у кого—то много золотишка, так не зазорно заставить поделиться. Тем более что оно, золотишко – то, само себя родит. Чай, не обеднеют люди Банковского народа.

– Не обеднеют. – Согласился Седобород. – Да только золото ихнее заговоренное. Если не по согласию к тебе попало, не по добром, то жди беды. Пожалуют те же люди Мафии и все разорят.

– А чего им за Банковских заступаться?

– Говорю же, мир между ними. Поговаривают еще, что большие богатства Мафии у тех же Банковских хранятся.

– Ну—у дела—а! И где же это так бывает, что бы разбойник у купца деньги хранил?

– Далеко. На западе, где солнышко садится.

– Запад нам не указ... Расскажи еще что –нибудь, Седобород.

– Расскажи, расскажи, – послышалось отовсюду.

Седобород хмыкнул, тронул дрожащей рукой лучину, – ярко вспыхнуло пламя. Кто—то услужливо подал ему кружку с брагой.

– Ну, коли спать не спешите, да девки, видать, вас не ждут, и уж если запад вам не указ, то... слушайте про восток. Сказывают люди есть там загадочная страна. Народ той страны поклоняется Солнцу, как, впрочем, и мы. Люди там невысокие, раскосые. Покой страны той

оберегают ужасные вояки – самраи. Люди чести. Если вождь гибнет в бою и сражение проиграно, то оставшиеся в живых сами на себя накладывают руки.

– Что же это за честь? Глупо, – подал голос Лад. – Покуда жив хоть один воин, не окончена битва!

На него тут же зашипели.

– Недалеко от этой страны проживают другие народы. Говорят, сам Черт – Туй оттуда родом!

– Черт – Туй?! – Кто—то со страху тронул свой амулет, Кто—то сплюнул через левое плечо.

– Он самый! А еще там родина Комер—сана.

– Который завтра приезжает?

– Да. Сколько лет ему – никто не знает. Древний он...

– Древнее тебя?

– Древнее. И мудрее. В делах торговых ему равных нет.

– А чего он к нам засобирался?

Устал кочевать. Решил наш Посад выбрать местом своей постоянной дислокации.

О дислокации никто ничего сказать не мог. Слово незнакомое, не понравилось слово – то...

– Ты говори дед, да не заговаривайся! – Вновь послышались плевки и зашуршали, зазвенели амулеты и обереги.

– Перестаньте плевать! Все, устал от вас, обалдуев! Убирайся потом за вами... На сегодня хватит. Пошли все вон! – Рявкнул Седобород.

Ослушаться деда никто не решился. Стали собираться. Кто—то напоследок черпнул браги, Кто—то украдкой дернул пук травы сухой, что в избытке висела по всему дому. Трава у Седоборода злой не была, худого человеку не сделает.

– Лад, останься. – Седобород прикрыл глаза.

Лал послушно уселся обратно на пол, стараясь выбрать место не заплыванное.

Когда дверь хлопнула, Седобород хитро взглянул на него.

– Не надоело тебе еще с ними шататься? Все про войну выпрашиваешь дедов. И не смотри так, все знаю. Кровь в тебе бродит. Дело тебе надобно.

– Дело... А какое? Может, ты подскажешь?

– Подскажу. Как приедет Комер—сан иди тут же к нему.

– Зачем? – удивился Лад.

– Попросишься к нему в ученики. У него блажь такая есть. Как куда приедет, сразу ищет себе ученика.

– Я в дружине учился пять лет! Теперь опять учиться? Чему?!

– Торговле.

– ?

– Делай как сказано! – Прикрикнул Седобород так, что Лад подскочил с полу и исчез в дверях. Мало ли что заговоры не берут, вдруг дед такое ляпнет что и ноги скрутятся...

Слава и молва о Комер-сане бежали по земле быстрее его тяжелых обозов. Да и как же не быть быстрее, если в пути был не просто Комер—сан, один человек, а огромный клан с целой кучей барахла. Добра добытого торговлей честной, а когда и хитростью, насчитывалось до сотни обозов. Были здесь и материи разные – атлас из Хундустана, шелка из Итая, холстина плотная с Севера, ситец разноцветный – радость женам, разорение мужьям. Оружия всякого и на любую руку – от кастетов свинцовых до палиц пудовых, – было обозов десятка два. Барахлу же в виде камней самоцветов, украшений из золота и серебра, никто и счета не ведал. Да прибавьте к этому всяких заморских сладостей!...

Одни из зависти говорили, что продал Комер—сан душу нечистой силе за удачу в торговом деле. Другие, по умнее которые, считали, что удача тут вовсе не при чем. Просто мудрым был Комер—сан, человеческую природу насквозь видел. Да и опыту в торговле у него было не два дня. Родовитый посадский люд, знающий всегда все новости и откуда ветер дует, поговаривал, что давным — давно знаком был Комер—сан с самим знатным Садко. Связывала их не просто дружба, торговали вместе, выгоду имея обоюдную, и вроде бы Садко завещал Комер—сану свою удачу в рискованных делах торговых.

За многие годы спокойной жизни жирел Посад от торговли, как хряк жиреет от кормежки на убой. И всякое он повидал — товаров разных и людей чужих, и стал как невеста на выданье, которая уж слишком разборчива, — и это не в новинку, и эту невидаль уже видели, и эту сказку уже слышали, да позабыть успели. Но прибытие Комер—сана даже для Посада было событием большим. Не часто, ой не часто ТАКИЕ торговцы оседали в Посаде. Заезжать, конечно, заезжали, но чтобы вот так, разом, и на всю жизнь, — это редко бывало. Купцы, вроде Комер—сана, предпочитают со временем сами закладывать небольшие селения. Пройдет годков пятьдесят и превратятся они в такие же посады торговые со своими обычаями и своей торговлей.

Узнав о решении Комер—сана осесть в Посаде, люд посадский зашумел, и ведь было от чего! Самые беднейшие из купцов посадских носы к небу задрали, с высока смотреть стали на заезжих купцов. Как же, статус Посада становился неоспоримым в ближних и дальних землях, приобретал главенство в делах торговых и цены, которые теперь будут устанавливаться в Посаде, станут стандартом для других. Не многие понимали это, остальных же распырало любопытство.

Обозы Комер—сана остановились на окраине Посада. Покуда не будет выбрано место (с разрешения совета), где дом предстоит ставить, а рядом конюшни, амбары, склады для барахла торгового, свинарники да курятники, да жилье для прислуги, быть клану Комер—сана на окраине.

Знатный купец не обиделся, добро принял хлеб — соль от старейшины совета Зуба, и стал с неторопливой хозяйственностью устраиваться на новом месте. Сколько здесь стоять, он не знал, но, видать, не впервой Комер—сану такое. Пока дом поставят, да все что полагается при нем, месяц — другой пройдет. Вот и разбились шатры цветные на окраине, запахло бараниной жареной, свиной тушеной, ржание конское смешалось с криками подручных Комер—сана, распорядившихся по поводу вечернего угощения.

Пригласил Комер—сан на ужин праздничный всех желающих, (столы стояли под открытым небом, подходи любой, да ешь, что приглянется — барашки целые запеченные, свиные окорока румяные, рыбы всякой и птицы, пей запейся браги да пива из Бовуссии). Чинных людей, представителей артелей торговых, да членов совета позвал Комер—сан в свой шатер и потчевал их там едой отборной, поил сбреженным соком ягод лозы, что росла вдоль рек Франзонии, да речи вел дельные: как торговля идет, из каких мест дальних больше товару везут, а из каких меньше?

- Не появлялись ли в Посаде Пыльные демоны, а люди Песков заезжают ли?
- Есть ли чародеи злые по близости, давно ли о Чер-Туе новостей нет?
- А какая рать у Посада на содержании?

Слушал он ответы, яблочко наливное, на дольки порезанное, ел и причмокивал: — товары отовсюду в Посад везут, пыльных демонов видом не видывали, люди Песков бывают, правда, да только не торгуют они — это все знают. О Чер-Туе давно слухов нет, может, сдох где, окаянный...

Тут Комер—сан улыбнулся.

- Говорят, смертушка об него косу затупила, а ему хоть бы что.

Люди чесали затылки, платки к губам прикладывали, но плевать в шатре гостя дорогого не решались.

Доел яблочко Комер—сан, сощурил свои и без того узкие глазки хитрющие и молвил вдруг:

– Слышал я от людей сведущих на Востоке, перемены в мире грядут большие. – Притихли люди. У кого—то кость в горле стала, у кого—то вино вкус потеряло. Перемены всегда пугали. Вздумается кому-то, что так да эдак лучше будет, и давай рубить старое без оглядки, только щепки летят! А потом оглянется кругом – сделал вроде все как хотел, а лучше-то и не стало. Ну—у, если все кругом плохо, людям жизни нет от врагов там каких, или нечисть (слюна сама на язык напоззла) мутит умы, да чинит зло какое, тогда, конечно, и перемены к месту придутся. Но когда все чином да ладом кругом, чего же лучшей доли искать?

Ох, умный Комер—сан, хитрый, накормил, напоил, выпросил как дела, да и огорошил. И Чер—Туя не зря ли помянул?

– Перемены всякие бывают, – подал голос Зуб. Хоть и был он в совете старейший, память свою давно пережил, но ума хватило людей успокоить. – К тому же когда они до нас дойдут еще неизвестно. Годков десять, а то и все сто пройдет. Мир большой...

Отлегло на сердце, снова наполнились чаши, расползались хмельные улыбки. На улице заиграли дудки – веселушки, зазвенели гусли, им ответили нытьем волынки (инструмент дивный, дуешь в одну дудку, а поют несколько), ритм задавали бубны шаманские и тамтамы. Про последние молва недобрая шла. Мол, натянута на них кожа человечья, а внутри томится душа какого—нибудь бедолаги.

Ничего больше не говорил Комер—сан. На его желтом пухленьком лице, глядя на которое не возможно определить возраст (а ведь стар он был) застыла слащавая улыбка. А глазки внимательно следили за мрачным Седобородом.

Тот не ел, не пил. Знал он кому сказал Комер—сан про перемены, оттого и думу думал, изредка лишь взглянет на хозяина и снова в себя уйдет...

Лад ушел с пирушки еще до первых костров. Набив живот всякой всячиной, и запив медовухой, ощутил он вдруг потребность уединиться, дабы пища лучше усвоилась, а ум – разум прояснился. Но не так то просто было выбраться из Посада. Всюду лица знакомые, слова приветливые, чьи – то руки под локоть хватают, чарку подносят. Пока не обошел все кабаки, не увидел всех дружков своих по нелегкому делу дружинному, пока не осталась в кармане рубахи длинной денга одна, денга бедная – медная, не добрался он до лесу. А как только в лесу оказался, направился сразу на займку заветную, где когда—то пацаном несмышленишем играл он в игры про войну.

Займка та была собственностью мастера кузнечных дел Наковальни Мечплуговича. Когда—то он поставил избу нехитрую возле болота вонючего. В том болоте Наковальня годами железо травил, после чего мечи делал отменные и рало крепкие. Но после появления в Посаде молодцов из ЗАО кузнечное дело, бывшее в руках Наковальни, претерпело существенное изменение. Никто не знает как он сошелся с людьми Мафии. То ли своя нужда заставила кузнеца, то ли мафиозники почувствовали потребность в нем, но случай один до сих пор памятен люду посадскому.

Наковальня был членом совета Посада, и среди стариков, уютно обосновавшихся там, был единственным в ком жила и бурлила сила необыкновенная. Природа на славу одарила удалью его.

Как-то в кабаке зашел у него спор с одни из Мафии. Тут же, как положено, установили заклад победителю и расчистили место в центре. Мафиозник успел нанести Наковальне три удара, больно шустрый оказался, после чего испытал на своей голове силу удара руки кузнеца. В землю так вошел, что пришлось пол разбирать в кабаке, – из толстенных тесаных досок одна голова торчала, а потом еще и из земли выкапывали любезного. Да—а...

Но как бы там ни случилось, язык общий они быстро нашли. Тут же выросли на южной стороне Посада новые кузницы большие. Ветра большую часть года с Севера тянули, вот

и поставили кузни новые с юга, чтобы гарь да копоть дышать в Посаде не мешали, так Седобород подсказал.

С тех пор забросил Наковальня свою заимку возле болота. Обветшала она, потолок в два наката порушился от дождей и снегов, стены мхом заросли. Когда набрел на нее юный Лад была она простым холмом, каких в лесу превеликое множество. Стал Лад на ней днями пропадать. Целое лето тайком приводил ее в порядок и к зиме готовил. После той зимы стала она ему домом вторым. А когда в дружину попал, превратилась заимка в место встреч тайных с девицами – красавицами, чьи родители не одобряли внимание своих дочерей к удалецкой стати дружинников. Не один Лад пользовался заимкой в таких целях. Многие дружинники – побратимы бывали там, жгли костры и уговаривали пугливых подружек:

– Да не бойся ты болота... Ну и пусть вонючее, зато никто сюда не заглянет. А что комары, эка невидаль, их и в Посаде хватает... Нечисть? Какая нечисть?! Здесь владения кузнеца Наковальни. А нечисть ох как боится кузни, разве ты не знала? Вот дуреха – то...

Так было бы и по сей день, ежели однажды одна из пугливых девок не рассказала родителям, где пропадала всю ночь. Отец той дурехи не стал шум поднимать, а пошел прямо к начальнику дружины Ярому Живодер – Вырвиглаз. Был он крепок как дуб, и такого же ума.

Двойное прозвище его имело прелюбопытную историю происхождения. Когда было Ярому лет двенадцать отроду обнаружилась в нем страсть к изуверству над бездомными кошками. С какой стороны не посмотри – занятие опасное. Кошки всегда в Посаде числились в прихвостнях нечисти, и та (нечисть то) в любой момент могла отыгаться на озорном мальчугане.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.